

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

Ю. В. Бережнова

Сети, ресурсы, изоморфизм: коррупция с точки зрения социологии организаций¹

БЕРЕЖНОВА Юлия Владимировна — студент магистратуры факультета социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Адрес: 191187, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1а.

Email: jberezhnova@eu.spb.ru

Работа публикуется журналом «Экономическая социология» при поддержке программы «Университетское партнёрство» НИУ ВШЭ.

Начиная с 1990-х гг. феномен коррупции заслужил внимание исследователей психологии, экономики, менеджмента, права и социологии. При этом многие исследования коррупции зачастую игнорируют условия нормализации обсуждаемого феномена и его укоренённость в организациях. В данной статье мы хотим привлечь внимание исследователей к трём подходам из организационной теории: неоинституционализм, сетевой анализ и теория ресурсной зависимости. Рассмотрение коррупции как эффекта организаций способно пролить свет на феномен коррупции. Так, сетевой анализ подчёркивает роль личных связей в осуществлении коррупционных сделок и позицию актора в сети. Этот подход обладает значительным предсказательным потенциалом, выдвигая различные предикторы коррупции. Неоинституционализм обращает внимание на среду, в которую погружены акторы, и на то, как подход помогает измерить связь между уровнем коррупции и различными элементами институциональной среды — уровнем конкуренции, качеством исполнительной власти и законодательства, поведением фирм-конкурентов и дочерних организаций. Теория ресурсной зависимости ставит акцент на ресурсах организаций и отдельных индивидов и выявляет связь между наличием власти и ресурсов, с одной стороны, и полем возможных коррупционных действий, с другой. Освещаемые нами подходы позволяют проанализировать коррупцию на позиционном, организационном и средовом уровнях и подчёркивают системность, рутинизацию и социальную укоренённость этого феномена. Мы предлагаем обзор существующих исследований с позиций предложенных подходов. В заключении сделано сравнение трёх подходов, отмечены их сильные и слабые стороны и намечены возможные направления будущих исследований.

Ключевые слова: организационная коррупция; исследования коррупции; социальные исследования; социология организаций; организационная теория; сетевой анализ; теория ресурсной зависимости; неоинституционализм.

Исследования коррупции многогранны и охватывают самые разные дисциплины (психология, политология, юриспруденция, криминология, социология, антропология), касаются разных аспектов рассматриваемого вопроса (индивидуальные и системные, внешние или внутренние по отношению к организациям причины коррупции, её последствия, эффективность антикоррупционных мер). Сам феномен коррупции так же разнообразен, как его

¹ Статья написана в рамках курса «Социология организаций». Автор благодарен преподавателю курса Катерине Губе за ценные советы и замечания. Заметный вклад в разработку статьи внесли анонимные рецензенты и научный консультант журнала «Экономическая социология».

аналитические виды. Различают, к примеру, коррупционные сделки между бизнесом и государством или между бизнес-организациями; коррупцию, которая приносит выгоду отдельному индивиду, и коррупцию во имя блага организации; коррупцию внутри организации, которая инициируется снизу или спускается сверху [Pinto, Leana, Pil 2008].

Ряд исследователей выделяют три уровня анализа в исследованиях коррупции: индивидуальный, организационный и средовой [Troisi, Di Nauta, Picicocchi 2021]. Индивидуальный уровень акцентирует внимание на личных характеристиках коррумпированных субъектов; групповой — на организационных или групповых факторах, препятствующих коррупции, таких как легитимность этой практики в пределах группы или экономические трудности фирмы; средовой — на таких характеристиках среды, как законодательство, исполнительная власть и концентрация рынка [Troisi, Di Nauta, Picicocchi 2021]. Одна работа, предлагающая междисциплинарный подход к изучению коррупции, выделяет дополнительный уровень исследования коррупции — позиционный, который учитывает позицию индивида в социальной иерархии и связанные с этой позицией возможности коррупционного поведения [Modesto, Pilati 2020]. На российских данных тема коррупции активно изучается в первую очередь с точки зрения профилактики коррупции [Sevalnev, Tsirin, Chai 2022; Артеменко 2023] и этических аспектов коррупционного поведения [Крылова, Максименко 2022; Максименко et al. 2023], что свидетельствует о распространённости индивидуального и средового уровня анализа. Эти подходы игнорируют условия нормализации, институционализации и рутинизации коррупции [Ashforth, Anand 2003], рассматривая субъект либо как атомизированного индивида, преследующего собственные коррупционные интересы, либо как индивида, укоренённого в государственных институтах (высшее образование, закон, исполнительная власть), игнорируя при этом такие аспекты, как организации, знакомства, семья, позиция в сети и в иерархии ресурсов и т. д.

Хотелось бы привлечь внимание исследователей к альтернативному взгляду на обсуждаемый феномен, для чего мы осветим три подхода из организационной теории: неоинституционализм; сетевой анализ; теорию ресурсной зависимости. Эти подходы появились примерно в одно время (1970-е гг.) и быстро набрали популярность среди исследователей организаций [Scott 2004]; в особенности — институционализм и сетевой подход [Grothe-Hammer, Kohl 2020]. Вместе они могут рассматриваться как часть более широкой области под названием «организационная теория», или «организационная социология» [Grothe-Hammer, Kohl 2020]. Применительно к изучению коррупции данные подходы используются довольно редко (по сравнению, например, с экономическими), хотя могли бы значительно обогатить наше понимание коррупции: неоинституционализм — за счёт изучения институциональных условий, способствующих или препятствующих коррупции; сетевой анализ — за счёт изучения межперсональных связей между субъектами коррупционных сделок; теория ресурсной зависимости — за счёт выявления связи между наличием власти и ресурсов, с одной стороны, и полем возможных коррупционных действий, с другой. Эти подходы покрывают все уровни исследования коррупции, кроме индивидуального, — организационный (групповой), позиционный и средовой [Modesto, Pilati 2020]. Взгляд на коррупцию с точки зрения организационной теории подчёркивает системность и социальную укоренённость этого феномена (в противовес взгляду на коррупцию как на предмет индивидуального выбора).

Термин «организационная коррупция» подчёркивает, что организации являются питательной средой для коррупции и её отправным пунктом. Один из вариантов определения организационной коррупции — «нелегитимный обмен ресурсами, сопровождаемый использованием или злоупотреблением частными или коллективными полномочиями в личных целях (прибыль, выгоды, привилегии)» [Luo 2005: 121]. Однако, во-первых, не совсем понятно, кто является адресатом и «грантодателем» легитимности, учитывая ситуации, когда поведение, легитимное для одной группы, будет считаться нелегитимным для другой. Во-вторых, в этой формулировке не фигурирует центральное понятие «ор-

ганизация». И, в-третьих, целью коррупции может быть не только личная, но и коллективная выгода, включая выгоду для всей организации (см., например: [Modesto, Pilati 2020: 2]).

Далее под коррупцией будет подразумеваться институт (как он понимается в неоинституциональной теории) нелегального обмена ресурсами, имеющийся в частных или государственных организациях и сопровождаемый злоупотреблением полномочиями с целью получения личной выгоды и (или) выгоды для всей организации. Такое определение не претендует на точность, а тем более на всеохватность и очевидно нуждается в дальнейшей концептуализации (например, понятие «нелегальность» апеллирует к юридическим нормам, которые напрямую не являются объектом социологии). Как возможный вариант, это определение может быть дополнено (скорректировано) через понятие «легитимность» с учётом её адресата. Предложенная нами формулировка подчёркивает центральное место организаций и благодаря понятию «институт» рутинизованный характер коррупции.

Работа разделена на три части, соответствующие обсуждаемым подходам. В начале каждого раздела мы даём краткое описание теории и поясняем основную терминологию. Далее иллюстрируем теории на примере известных нам исследований. В заключении предложены небольшие выводы, в которых сравниваются обсуждаемые подходы, их преимущества и ограничения.

Исследование коррупции с позиций сетевого анализа

Базовым принципом сетевого анализа является обнаружение связей (отношений) между акторами, вовлечёнными в коррупционные сделки. К таким акторам могут относиться не только непосредственные субъекты сделки, но и их друзья, родственники, водители, любовники, коллеги, начальники и подчинённые. Связи характеризуются как слабые или сильные в зависимости от близости отношений [Granovetter 1973]. Например, сильная связь характеризует отношения между друзьями по школе или университету, давними коллегами, родственниками; слабые — между сотрудниками одной и той же организации [Chang 2018]. Важным в сетевом анализе является понятие «брокер» — посредник, соединяющий разрозненные части сети, обеспечивающий тем самым связность всей сети [Burt 2001]. В результате обнаружения всех связей строится граф, состоящий из вершин (акторы) и рёбер (связи), соединяющих вершины.

Ряд исследований, использующих сетевой подход для изучения коррупции, черпают данные из уже раскрытых дел (кейсов) по финансовым махинациям или коррупции и в этом смысле ретроспективны [Aven 2015; Chang 2018; Diviák, Dijkstra, Snijders 2019; Luna-Pla, Nicolás-Carlock 2020]. По большей части эти исследования фокусируются на структуре коррупционных сетей: кто входит в сеть, какой тип отношений связывает участников и т. п. Наиболее типичным в этом смысле примером является работа Чанга [Chang 2018]. Она основана на китайских данных о 1209 чиновниках, обвинённых в коррупции. В результате анализа автор выделил три типа коррупционных сетей. При самом простом типе сети коррупционная сделка происходит без посредников, связь между чиновником и взяточдателями (предпринимателями или другими чиновниками) осуществляется напрямую. Во втором типе появляется посредник (родственник, водитель, любовник), который соединяет чиновника и ряд взяточдателей. Самый сложный тип сети — разветвлённый; он представляет собой конгломерат из нескольких сетей, которые соединяются друг с другом слабыми связями за счёт брокеров, в данном случае — предпринимателей или чиновников². Сетевой анализ также позволяет определить наиболее важных и влиятельных акторов в графе — таковыми стали столичные чиновники.

Ещё один результат упомянутой выше работы Чанга [Chang 2018] (возможно, более неожиданный) заключался в том, что коррупционные сделки чаще происходили между людьми, которых соединяет

² Для более подробного исследования типов брокерства в коррупционных сетях см. статью: [Wang 2019].

слабая связь. Этот вывод подтверждает и исследование громкого чешского скандала вокруг бывшего министра здравоохранения [Diviák, Dijkstra, Snijders 2019]. Хотя авторы не делают различия между слабыми и сильными связями, их работа показывает, что обвиняемые редко связаны друг с другом исключительно теми связями, которые выходят за пределы их служебных обязанностей, — родственными, дружескими или профессиональными. В исследовании также утверждается, что коррупционная сеть достаточно чётко делится на ядро и периферию, то есть на главных и периферийных акторов. Нужно отметить, что упомянутая работа основана на немногочисленных материалах, почерпнутых из СМИ, в отношении всего 11 человек, то есть сеть маленькая и вряд ли показательная.

Два вышеупомянутых исследования [Chang 2018; Diviák, Dijkstra, Snijders 2019] статичны, они фиксируют состояние сети в один момент времени. Большая часть работ, однако, имеет динамический (темпоральный) аспект. Например, одна из работ основана на внутренней электронной корреспонденции крупной компании, замешанной в громком коррупционном скандале 1998–2002 гг. [Aven 2015]. Под коррупцией здесь понимаются махинации с документами, которые были призваны приносить денежную выгоду всей организации (не отдельным индивидам) и требовали большой степени координации внутри проектов. Исследование фокусируется на коммуникативном поведении членов коррумпированных и некоррумпированных проектов. Сравнительный анализ трёх коррумпированных и трёх некоррумпированных проектов показал, что сначала они отличаются друг от друга, но со временем становятся очень схожи: их участники общаются друг с другом, отвечают на сообщения примерно с одинаковой частотой, одинакова и транзитивность общения³. Автор приводит и тестирует три возможных объяснения: постепенная потеря чувствительности к факту и практике коррупции; растущая необходимость координации в целях выполнения организационных целей; повышение доверия между членами проекта. Этот последний механизм получает эмпирическое подтверждение, однако, как подчёркивает автор, не исключает двух других механизмов.

Обратим также внимание на исследование, которое проводилось на материале мексиканского кейса 2010–2016 гг., когда были выявлены сотни компаний-пустышек, принадлежавших бывшему губернатору штата Веракрус и использовавшихся для хищения целевых средств [Luna-Pla, Nicolás-Carlock 2020]. Исследователи построили двудольный граф, вершинами которого были люди и компании. Первые были связаны со вторыми по-разному: индивид мог относиться к компании через несколько категорий — как её акционер, администратор, нотариус и т. д. Структурный анализ показал, что наиболее важные связующие вершины — это категория «акционеры». Проводя же динамический анализ, авторы разбили весь граф на годы: 1997-й и 2008–2015-й (девять лет). В данном случае оказалось, что связность всему графу придают все категории, вместе взятые (а не только акционеры). Данный факт авторы называют «самоорганизация сети»; этот термин означает, что взаимодействия между акторами происходят самостоятельно, без влияния каких-либо центральных акторов. Данное обстоятельство также указывает на эмергентность коррупционной сети: свойства и поведение отдельных акторов отличаются от свойств и поведения всей сети. Показательной метрикой в динамическом анализе стало количество пар таких вершин-людей и вершин-компаний, у которых больше одного ребра, то есть либо на компанию «работают» несколько людей из графа, либо человек выполняет несколько ролей в одной и той же компании. Данная метрика взлетает вверх при резком увеличении компаний-пустышек, что позволяет выдвинуть этот показатель как потенциальный индикатор (предиктор) коррупции.

Предикторы коррупционного поведения стремятся выявить и ряд других исследований — на уровне отдельных личностей [Colliri, Zhao 2019], организаций [Fazekas, Tóth 2016; Junghagen, Aurvandil 2020] и региона [Lima, Serrano 2022].

³ Коммуникативная транзитивность означает, общаются или не общаются между собой два индивида, с которыми общается центральный, связывающий их индивид.

Первое из упомянутых исследований основано на данных о голосованиях депутатов за выдвигаемые законопроекты в Палате представителей Бразилии за 28 лет (1991–2019 гг.) [Colliri, Zhao 2019]. В базу вошли 2455 депутатов, 33 человека из которых были обвинены или арестованы за коррупцию или иные финансовые преступления, и 165 6547 голосов (за 3407 сессий). На основе этой базы была построена весовая матрица, отражающая схожесть или различие в голосах каждой пары депутатов — по сути, степень их различия в политических взглядах. При помощи матрицы была сконструирована одна большая темпоральная сеть, вершинами которой выступают депутаты, а рёбра с весом отражают схожесть или различие в голосах каждой пары вершин. Авторы тестируют два метода, позволяющих предсказать, является ли актор (вершина) обвинённым в преступлении или нет. Первый метод исходит из предположения, что ближайшие (в терминах веса) к обвинённому акторы (*highest weighted convicted neighbor*) также, вероятно, будут замешаны в коррупции, формируя таким образом некоторые «очаги коррупции». Второй метод основан на техниках предсказания пропущенных связей (*missing link prediction*). Первый метод получил точность предсказания 24%; второй — вплоть до 90% в зависимости от модели⁴. Авторы отмечают, что точность предсказания и эффективность моделей будут зависеть от базы данных. Таким образом, данное исследование обнаруживает далеко не очевидную, но сильную связь между паттерном голосований депутатов и их вовлечённостью в финансовых преступлениях.

В следующем исследовании предлагается так называемый индекс риска коррупции (*corruption risk index* — CRI), отражающий вероятность коррумпированности того или иного тендера [Fazekas, Tóth 2016]. Работа основана на официальных объявлениях о государственных заказах в Венгрии за 2009–2012 гг. Объявления, кроме собственного текста, содержат информацию о заказчике, условиях, сроках, цене контракта. В качестве временных рамок исследования были выбраны 2009–2012 гг., включающие смену правительства в 2011 г., которая привела к большей централизации государства. В сеть вошли государственные и частные организации — заказчики и победители госзаказов. К этой сети авторы применяют упомянутый индекс CRI, разработанный на основе ряда переменных — «тревожных звончков», сигнализирующих о возможном нарушении принципа конкуренции участников. Среди таких сигналов — наличие лишь одного участника тендера, отсутствие официальной публикации о тендере, излишне подробные и пространные критерии для участников, короткий срок подачи документов и др. Вначале авторы определяют пороги значений для каждой из переменных, а затем сужают список этих переменных так, чтобы они были релевантны имеющимся данным. Анализ показал, что более 60% венгерских государственных организаций частично или полностью коррумпированы, то есть наблюдается заметное слияние государственных функций и частных интересов. Также анализ подтверждает существование набора «очагов коррупции». Кроме того, из анализа видно, что со сменой правительства (венгерские события 2011 г.) меняется паттерн коррупции, сеть переконфигурируется. Данные результаты указывают на то, что системная политическая коррупция (*state capture*) не статична, а имеет внутреннюю динамику и реагирует на политические перемены.

Наконец, возможно изучение наиболее уязвимых для коррупции акторов на уровне региона. Например, одно из исследований изучает федеральный бюджет Бразилии, выделенный на борьбу с COVID-19, пытаясь идентифицировать муниципалитеты, наиболее предрасположенные к нелегальным сделкам, на основе таких показателей, как население региона, ВВП на душу населения, политическая принадлежность мэра и номер его срока [Lima, Serrano 2022]. Если первые два показателя предположительно отражают «объективную» нужду муниципалитета в финансировании, то последние два носят политический характер и могут указать на паттерны коррупции. Например, если мэр на первом сроке, то им может двигать стремление выглядеть честно в глазах избирателей, что снижает его тягу к коррупции, но в то же время ему нужны деньги для следующей избирательной кампании. Принадлежность же к партии может отражать групповой характер коррупции. Результаты анализа показывают, что вер-

⁴ Cosine, NMeasure and Pearson — 90%, Rooted PageRank — 70% и MinOverlap — 50%.

шины группируются согласно партийной принадлежности, а мэры второго срока соединены по преимуществу между собой, а не с «новенькими» (хотя вообще в сети преобладают мэры первого срока). На следующем витке анализа, учитывая ВВП на душу населения и количество населения, некоторые муниципалитеты выделили больше финансовых средств, чем было необходимо согласно этим показателям, что сигнализирует о большей предрасположенности к коррупции. Наконец, авторы приняли во внимание статистику по заболеваемости и смертности в результате коронавируса, и анализ подтвердил прежний результат — наличие неожиданно больших сумм, выделенных для борьбы с коронавирусом в тех регионах, где показатели заболеваемости сравнительно невысокие.

Как мы видим, исследования коррупции с позиции сетевого подхода максимально разнообразны, отличаются по дизайну и исследовательским вопросам. В зависимости от характера имеющихся данных сетевой подход позволяет сделать самые разные виды анализа. К примеру, изучить структуру коррумпированных сетей и выявить предикторы коррупции (индекс риска коррупции и предикторы, основанные на техниках предсказания пропущенных связей). Сетевой анализ также обращает особое внимание на наиболее выгодные места в структуре сети — позиции брокеров, от которых зависят «успешность» и размах коррупции.

Исследование коррупции с позиций неoinституционализма

В отличие от сетевого анализа и теории ресурсной зависимости, неoinституционализм сосредоточен на изучении институциональной среды. Этот подход стремится ответить на вопрос, почему организации со временем становятся похожими друг на друга [DiMaggio, Powell 1983]. Процесс гомогенизации организационного поля называется изоморфизмом — термин, позаимствованный из теории множеств и обозначающий структурное подобие. П. Димаджио и У. Пауэлл различают два вида организационного изоморфизма — конкурентный и институциональный. Первый движим рыночной конкуренцией и стремлением повысить эффективность организаций, поэтому способствует внедрению инноваций, которые, появившись в одном месте, постепенно перенимаются другими организациями. Второй, напротив, объясняет тот элемент мифа и церемониала [Meyer, Rowan 1977], который не связан с эффективностью и говорит об инертности организаций в следовании давно принятым способам действия. Институциональный изоморфизм бывает трёх типов: принудительный, появляющийся в результате государственного или принудительного регулирования; подражательный, когда перенимаются практики другого из-за ситуаций неопределённости; нормативный, проистекающий из профессионализации. Этим типам изоморфизма вторят три основополагающих элемента среды — регуляторные (*enforcement*; законодательство и его применение), нормативные (ценности, нормы, традиции) и когнитивные институты (фреймы интерпретации, когнитивные модели и т. д.) [Scott 2001]. Неoinституционализм гласит, что организации стремятся к легитимности, то есть признанию со стороны участников организационного поля — от поставщиков и государства до потребителей, а успех организации обусловлен не только эффективностью, но в первую очередь легитимностью, которая нередко может противоречить соображениям эффективности.

Исследования коррупции с точки зрения неoinституционализма появляются, насколько нам известно, в 2000-х гг. Мы остановимся на недавних и наиболее актуальных работах.

Как правило, в рамках этого подхода авторы рассматривают коррупцию как повторяющийся элемент, поведение, перенимаемое организациями друг от друга, то есть изоморфизм. Учитывая нелегальную природу коррупции, некоторые исследователи рассматривают её как проявление «нелегальной легитимности» [Cuera-Cazurra 2016], то есть незаконный и тем не менее общепринятый способ действия. Отдельное место занимают исследования, сосредоточенные на влиянии коррупции на экономическую эффективность. Согласно результатам некоторых исследований, коррупция негативно сказывается на работе компаний [Petrou 2014] и на экономическом развитии государств [Venard 2013].

В целом неоинституциональная теория помогает ответить на вопрос, каковы институциональные причины незаконного поведения организаций. С точки зрения методологии подавляющее большинство исследований применяет количественный анализ на основе опросов среди представителей, как правило, «высшего звена» различных организаций [Venard, Hanafi 2008; Venard 2009a; 2009b; Venard 2013; Petrou 2014; Park Hong, Xiao 2021; Park, Xiao 2021] или среди государственных служащих [Gao 2010; Sudiby, Jianfu 2015].

Отдельное место занимают исследования филиалов иностранных транснациональных компаний (ТНК). Ряд работ посвящены выяснению факторов, способствующих антикоррупционным мерам в филиалах иностранных ТНК [Park Hong, Xiao 2021; Park, Xiao 2021]. Первая из упомянутых работ сравнивает филиалы ТНК в Китае (111 респондентов) и Южной Корее (115 респондентов). Исследование показывает, что в Китае когнитивный элемент среды (распространённость конфуцианства) играет важную роль в принятии антикоррупционных мер, а влияние нормативного и регулятивного парадоксальным образом статистически незначимо. Это последнее авторы связывают с нестабильностью институциональных условий и маскулинной культурой, которая препятствует или даже отменяет влияние законодательных и иных норм и ценностей. Что касается влияния внутреннего источника легитимации, то есть материнской организации, на антикоррупционное поведение компаний, то оно значимо в Китае и незначимо в Корее. Авторы исследований полагают, что если с коррупцией сопряжены относительно невысокие риски и санкции со стороны государственных органов, как в Корее, то организации готовы пойти на расцепление (*decoupling*) собственных практик от политики материнской компании. Этот результат подтверждает и ещё одна работа на базе корейских данных (см.: [Park, Cave 2018]), показывающая, что из числа всех стейкхолдеров наибольшее влияние на международные совместные предприятия (*International joint venture* — IJVs) в отношении применения модели корпоративной социальной ответственности (КСО) оказывают не государство, а потребители, негосударственные организации и другие компании.

Исследование зарубежных филиалов ТНК, основанное на ответах от 600 компаний в Китае [Park, Xiao 2021], противоречит первому (см.: [Park, Hong, Xiao 2021]), демонстрируя сильное влияние регулятивного и подражательного давления. Однако более интересный результат состоит в том, что применение антикоррупционных мер положительно коррелирует с инновационной способностью компании (возможность «устанавливать свои правила» на рынке, применяя новые технологии), и это влияние тем сильнее, чем выше цифровизация этой компании (использование цифровых технологий). Таким образом, применение антикоррупционных мер повышает конкурентоспособность бизнес-организации и её легитимность (с поправкой на то, что эта легитимность направлена не на коррумпированных акторов, а на потребителей и некоррумпированных стейкхолдеров).

Следующее исследование, посвящённое работе филиалов финансовых ТНК в 37 странах, помогает ответить на вопрос о влиянии таких измерений коррупции, как распространённость (*pervasiveness*) и произвольность (*arbitrariness*), на эффективность компаний [Petrou 2014]. Распространённость указывает на частоту и вероятность взяток, тогда как произвольность отсылает к действенности взяток и степени их непредсказуемости: действительно ли будет выполнена услуга, за которую дали взятку, и не последует ли за этой взяткой необходимость дать взятку кому-то ещё [Rodriguez, Uhlenbruck, Eden 2005]. Существует мнение, что коррупция способствует эффективности компаний и в целом экономическому развитию государства, скорости оказания государственных услуг и создаёт конкуренцию за государственные ресурсы. Результаты показывают, однако, что распространённость коррупции влияет на финансовую эффективность негативно. Произвольность же коррупции усиливает этот эффект, особенно в развивающихся странах. Таким образом, на финансовую эффективность влияет не только распространённость коррупции, но и её произвольность [Petrou 2014].

Неоинституционализм применялся также в контексте России 1998 г. [Venard 2009b] и в странах с развивающейся экономикой — в Балканских странах и СНГ в 1998 г. [Venard, Hanafi 2008; Venard 2009a].

В этих работах Б. Венар с коллегами выясняют влияние нескольких типов изоморфизма на уровень коррупции среди финансовых организаций, понимаемой как частота «неофициальных платежей» государственным чиновникам. Согласно результатам этих работ, во всех исследуемых странах больше всего на уровень коррупции влияет конкурентный и подражательный изоморфизм, то есть коррупции способствуют конкуренция и коррумпированное поведение других компаний. Что касается принудительного изоморфизма, оказывающего влияние через законодательство, исполнительные органы и доступность финансовых услуг, то этот тип изоморфизма наличествует в ряде развивающихся стран [Venard, Hanafi 2008], но не в России 1998 г. [Venard 2009b], что связывается со слабостью институциональной среды, низким уровнем её признания и низким уровнем доверия к государственным учреждениям; словом, с нелегитимностью институциональной среды.

Стоит, однако, отметить направление этой связи в контексте демократического транзита 1990-х гг. Как отмечают исследователи, безнаказанность и коррупция являются наиболее сильными факторами, негативно влияющими на доверие к судам и полиции, тогда как снижение насильственной преступности и антикоррупционные меры повышают это доверие и, следовательно, легитимность этих институтов [Karstedt 2014].

Работа Б. Венара также показывает, что политизация экономики (государственное вмешательство в работу частных компаний) негативно коррелирует с уровнем коррупции: чем выше контроль чиновников над организацией, тем меньше в ней коррупции [Venard, Hanafi 2008]. Это довольно неочевидный вывод, поскольку можно утверждать обратное: наличие контроля даёт чиновникам возможность для извлечения личной выгоды. Неожиданный результат, полученный в работах Венара, можно объяснить тем, что в опросе участвовали только финансовые организации, которые по умолчанию сильно регулируются государством. Отметим, что исследование на китайских данных приходит к противоположному выводу [Gao 2010].

Если в исследованиях, упомянутых выше, единицей анализа выступали отдельные организации и опросы проводились среди представителей разных секторов экономики без различия между ними (преимущественно исследования филиалов ТНК) или среди представителей одного сектора (см.: [Venard, Hanafi 2008; Venard 2009a; 2009b; Petrou 2014]), то следующее исследование отличается тем, что единицей анализа в нём выступают целые индустрии [Ufere et al. 2020]. Опросы в 5989 компаниях трёх крупнейших индустрий в 12 странах Тропической Африки показали, что наиболее сильно на уровень коррупции влияет принудительный изоморфизм — законодательная, исполнительная власть и доступность финансовых услуг (как в вышеупомянутых работах Б. Венара), а также система налогообложения, политическая стабильность (предполагаемая вероятность военных конфликтов, государственного переворота, этнического насилия), доступ к государственной инфраструктуре и её качество (электричество, вода, телекоммуникации, дороги). Однако давление институциональной среды отличается в разных индустриях. Например, в розничной торговле повышено влияние подражательного изоморфизма, а в наиболее регулируемой индустрии (промышленность) повышено влияние принудительного.

Таким образом, неоинституциональная теория помогает измерить связь между уровнем коррупции и различными элементами институциональной среды — уровнем конкуренции, качеством исполнительной власти и законодательства, поведением фирм-конкурентов и дочерних организаций — на уровне как организаций, так и отдельных индустрий. Однако влияние этих элементов на поведение акторов нелинейно. По-видимому, степень их влияния зависит как минимум от силы и (или) слабости институциональной среды [Venard 2009a; 2009b; Ufere et al. 2020], понимаемой, в частности, как качество государственных услуг и эффективность таких институтов, как полиция и суды [Venard 2013]; от состояния рынка (стабильное или переходное) [Park, Hong, Xiao 2021]; а возможно, и от уровня демократизации государства [Sudibyo, Jianfu 2015; Modesto, Pilati 2020: 9–10]. Именно эффект взаимодействия

(*interaction*) различных факторов пока остаётся наименее освещённым. Одна из немногочисленных работ, в которой измеряются эффекты взаимодействия, показывает, что в переходной экономике (Китай) конкуренция опосредует подражательный изоморфизм: чем больше конкуренция, тем больше фирмы подражают друг другу в плане коррупционного поведения [Gao 2010]. С точки зрения неинституционализма интенсивная конкуренция может рассматриваться как фактор увеличения неопределённости, что и заставляет фирмы подражать успешным, подобным им фирмам.

Исследование коррупции с позиций теории ресурсной зависимости

Согласно теории ресурсной зависимости [Pfeffer, Salancik 1978], источник власти лежит в ресурсах и степени их важности, которая определяется несколькими факторами: критичность ресурса (насколько он критичен для нормального функционирования организации); наличие или отсутствие альтернативных источников ресурса; степень свободы действий в отношении распределения и использования ресурса. Согласно этой теории, акторы, вступающие друг с другом в различные отношения (поставщики, закупщики, дочерние и материнские компании, подразделения одной и той же организации, государство, потребители), одновременно становятся созависимыми, полагаясь друг на друга в плане тех или иных ресурсов (информация, знакомства и связи, навыки и знания). В этом смысле все данные акторы выступают источниками различных ресурсов и элементами окружающей среды, в которой производится обмен ресурсами. Организации стремятся к выживанию и автономии, рационально преследуя свои интересы и постоянно производя оценку окружающей среды.

В основном в исследованиях на базе теории ресурсной зависимости применяется количественный дизайн. В таком случае единицами анализа выступают крупные акторы (например, организации или их подразделения). Две найденные нами применительно к изучению коррупции работы являются кросс-культурными и основываются на данных международного опроса Всемирного банка [Zhou, Han, Wang, 2013; Petrou 2015].

Первая из этих работ фокусирует внимание на мотивациях к коррупции в Китае и выдвигает два их варианта — пассивная мотивация и активная [Zhou, Han, Wang, 2013]. Пассивная относится к степени аномии (термин, предложенный Э. Дюркгеймом и означающий распад социальных норм и ценностей). Если в окружающей среде высокий уровень преступности, а взятки воспринимаются как норма, то фирмы будут практиковать коррупцию, чтобы соответствовать своей среде⁵. Активная же мотивация относится собственно к теории ресурсной зависимости. К коррупции может подталкивать недостаток ресурсов и неоднозначность и непредсказуемость того, как представители государства интерпретируют законодательство. Анализ 686 китайских фирм из 11 индустрий подтверждает эти рассуждения. Результаты показывают, что фирмы в маленьких городах дают взятки чиновникам чаще, чем фирмы в крупных городах, где больше ресурсов; уровень коррупции снижает доступ к финансовым ресурсам (кредиты, займы); фирмы-экспортёры дают взятки реже (авторы объясняют это государственной поддержкой экспорта); наконец, коррупции способствует неоднозначность законодательства (вывод, подтверждающий результаты исследований с позиций неинституционализма).

Вторая из упомянутых работ изучает влияние произвольной коррупции, которая препятствует доступу к локальным, часто государственным ресурсам [Petrou 2015]. Объектом анализа выступают филиалы зарубежных ТНК в 37 странах. Автор исходит из того, что зарубежные компании, по сравнению с местными фирмами, имеют более ограниченный доступ к локальным ресурсам, а это в совокупности с произвольностью коррупции снижает их шансы на выживание в чужой институциональной среде. В работе

⁵ В качестве прокси к уровню преступности авторы предлагают (а) воспринимаемый уровень коррупции и (б) затраты фирмы на безопасность и защиту (в процентах от стоимости фирмы).

предложены два механизма, способных смягчить произвольность коррупции: сильные корпоративные связи с материнской компанией и её ресурсами, а также наличие экспатов — менеджеров из той же материнской компании, которые выступают в качестве ресурса для филиала. Прибегая к этим механизмам, зарубежные филиалы ТНК снижают свою зависимость от локальных ресурсов и вместо них полагаются на внутренние ресурсы своей компании.

Качественный дизайн позволяет сосредоточиться на внутренней жизни организаций, на отдельных индивидах или их позициях внутри организаций, где также происходит распределение ресурсов. Единственное известное нам качественное исследование основано на 42 глубинных интервью с сотрудниками различных венгерских компаний [Javor, Jancsics 2013]. В исследовании участвовали люди, занимающие самые разные должностные уровни в разных сферах, включая государственные учреждения и компании разных размеров и форм собственности. Перед исследователями стояли два вопроса: какие виды ресурсов используются в коррупционных сделках на разных уровнях организации; каковы механизмы сокрытия коррупции.

Согласно результатам исследования, на низшем уровне происходит обмен не критичными ресурсами (локальные технологии, процессы и информация), которые не связаны со стратегическими целями организации. Коррупция на этом уровне становится результатом сговора между ближайшими коллегами и иногда начальниками. Здесь происходят относительно мелкие и нерегулярные сделки, касающиеся, к примеру, нелегальной перепродажи парковочных билетов, пропусков, абонементов. Как правило, эти сделки удаётся скрыть до тех пор, пока убытки всей организации не достигают критического уровня.

На среднем уровне организации авторы выделяют два вида коррупции. Первая касается действий, которые преследуют цель сокрытия коррупции сотрудников высшего звена. Ресурсом выступает профессиональная, зачастую очень техническая экспертиза сотрудников среднего уровня (то есть юристов, бухгалтеров), которая используется высшим звеном для перевода нелегальных сделок в формальные, внешне абсолютно законные и рутинные административные процедуры. Этот процесс авторы называют *техникризацией*. Ярким примером является незаконная продажа тендера, когда менеджеры среднего звена по просьбе директора «подгоняют» самые мелкие технические требования под заранее выбранного победителя. Второй вид коррупции на этом уровне осуществляется сотрудниками ради собственной выгоды. Как правило, такие сделки совершаются не без ведома начальства, которое закрывает на это глаза в обмен на лояльность и услуги техникризации. В результате высший и средний уровни становятся зависимыми друг от друга, и эта созависимость снижает прозрачность и риски быть пойманными. Коррупция на этом уровне может мешать эффективности и противоречить целям организации.

Высшее звено, которое располагает наиболее критическими ресурсами, также играет двойную роль в коррупционных сделках. С одной стороны, сотрудники этого уровня сознательно «выключают» внутриорганизационные механизмы контроля и потворствуют коррупции на среднем уровне. С другой стороны, они способны создавать широкие неформальные сети, соединяющие несколько организаций и государственные структуры. Эти сети позволяют отключать внешние механизмы контроля, вступая в сделки с представителями государственных органов; сети также предоставляют знакомства по бизнесу, критическую информацию и готовые, а значит, более дешёвые и менее рискованные, коррупционные каналы и схемы.

Таким образом, доступ к ресурсам зависит от позиции индивида внутри организации. Более того, на каждом уровне организации есть своё поле возможной коррупционной активности. Так, сотрудник высшего звена располагает одними ресурсами, доступными для нелегального обмена, а сотрудник среднего звена — другими.

Заключение

Вернёмся к разделению уровней анализа коррупции, о котором говорилось в самом начале статьи. Рассмотренные нами подходы представляют три уровня. Сетевой анализ помогает сосредоточиться на связях индивидов и (или) организаций и их положении в сети (групповой и позиционный уровни). Теория ресурсной зависимости даёт возможность разобраться в ресурсах и механизмах, доступных на разных звеньях организации и в межорганизационном пространстве (групповой и позиционный). Наконец, неинституционализм раскрывает институциональные условия, способствующие и препятствующие коррупции (групповой и средовой). Краткое сравнение трёх подходов предлагается в таблице 1. Остаётся индивидуальный уровень, которым в основном занимается психология и который позволяет описать другие закономерности (например, связь между коррупцией и восприятием вины или справедливости [Modesto, Pilati 2020]).

Таблица 1

Сопоставление трёх подходов к концептуализации коррупции

Параметр	Сетевой анализ	Неинституционализм	Теория ресурсной зависимости
Основной фокус исследования	Структура и динамика коррупционной сети; личные связи акторов; позиция актора в сети и связанная с этой позицией роль актора	Влияние институциональной среды в виде законодательной и исполнительной власти, финансовой системы и системы налогообложения, политических условий, неформальных институтов	Ресурсы и поведение акторов в свете зависимости от ресурсов или их наличия; поиск альтернативных способов получения ресурсов; позиция актора и связанные с ней механизмы сокрытия коррупции
Уровень анализа	Позиционный, групповой	Средовой, групповой (организационный)	Позиционный, групповой (организационный)
Практическая значимость	Предикторы коррупции	Выработка системных антикоррупционных мер	Выработка рекомендаций для менеджеров компаний
Данные и методы	Веб-скрейпинг данных (включая судебные решения, новости, переписку, федеральный бюджет, объявления о тендерах, данные о голосованиях) и методы сетевого анализа	Опросы, иногда совмещаемые с интервью, и регрессии	Данные международного опроса Всемирного банка и регрессии; интервью и методы качественного анализа
Недостатки	Невнимание к институциональной среде; трудность сбора данных	Невнимание к более низким уровням коррупции; пренебрежение агентностью акторов	Невнимание к институциональной среде; опасность соскользнуть в тезис «ресурсы важны»
Преимущества	Акцент на агентность акторов с учётом их позиции в сети; динамический (лонгитюдный) анализ	Акцент на макроструктуру (институциональной среде)	Акцент на агентность акторов с учётом наличия или отсутствия у них ресурсов; внимание к практикам
Возможные направления развития	Интерпретация результатов с учётом институтов и практик; применение темпоральных сетей; применение качественных методов; совмещение с теорией ресурсной зависимости	Введение понятий «не-легальная легитимность» (с учётом адресата легитимности) и «институциональный предприниматель»; сравнительный анализ	Интерпретация результатов с учётом институтов и личных связей; совмещение с сетевым подходом; динамический (лонгитюдный) анализ
Примеры работ	[Aven 2015; Fazekas, Tóth 2016; Chang 2018; Colliri, Zhao 2019; Diviák, Dijkstra, Snijders 2019; Wang 2019; Junghagen, Aurvandil 2020; Luna-Pla, Nicolás-Carlock 2020; Lima, Serrano 2022]	[Venard, Hanafi 2008; Venard 2009a; 2009b; 2013; Gao 2010; Petrou 2014; Sudibyo, Jianfu 2015; Ufere et al. 2020; Park, Hong, Xiao 2021; Park, Xiao 2021]	[Zhou, Han, Wang. 2013; Javor, Jancsics 2013; Petrou 2015]

Каждый из подходов имеет свои преимущества и недостатки.

Сетевой анализ обладает исключительным предсказательным потенциалом, предлагая различные предикторы коррупции. Однако эти предикторы могут сказать лишь о наиболее грубых и откровенных случаях коррупции, упуская из внимания менее координированные, изолированные случаи. Нужно также иметь в виду, что эти предикторы выступают не в качестве неопровержимых доказательств факта преступления, но в качестве сигналов о возможной коррупции. Ограничением сетевого подхода является то, что результаты исследований напрямую зависят от характера собранных данных, их качества, количества, всесторонности и непредвзятости. Опускание или недостаток какой-либо информации может привести к резкому искажению результатов анализа [Colliri, Zhao 2019; Junghagen, Aurvandil 2020; Luna-Pla, Nicolás-Carlock 2020]⁶. В то же время по контрасту с другими подходами в исследованиях коррупции с точки зрения сетевого подхода зачастую проводится динамический анализ, позволяющий зафиксировать изменения. Недостатком данного подхода является то, что он игнорирует институциональную среду, в которую погружены акторы, сводя феномен коррупции к личным связям и позициям акторов в сети.

Выявить институциональные условия, способствующие коррупции, позволяет *неоинституциональная теория*, и в этом её главное преимущество, которое ведёт к выработке наиболее эффективных методов борьбы с коррупцией. В наиболее общем виде неоинституциональный взгляд на коррупцию постулирует, что на уровень коррупции влияют как формальные институты (качество законодательства и исполнительной власти, количество регулирующих органов с пересекающейся областью полномочий, доступность финансовой системы), так и неформальные (нормы и ценности, культура в широком смысле слова), а также в первую очередь поведение других акторов. Что касается методов, то подавляющее большинство исследований с позиции неоинституционализма основываются на опросах. Главный недостаток этого метода вкупе с сензитивностью темы заключается в самоотборе респондентов (*self-reported data*), что ведёт к крайне субъективным результатам. На теоретическом уровне неоинституциональная теория исходит из того, что среда является важнейшим фактором, влияющим на действия акторов, в неё погружённых, а это некоторым образом перекладывает ответственность с акторов на среду, рассматривая самих акторов как пассивных заложников (макро)структуры. Данный недостаток может быть сбалансирован понятием «институциональный предприниматель» — аналог брокеров [Burt 2001] и коррупционных предпринимателей [Granovetter 2007] в сетевом анализе.

По сравнению с неоинституционализмом *теория ресурсной зависимости* предполагает бóльшую агентность акторов, у которых есть свобода действий, возможность выбора той или иной стратегии поведения в ответ на недостаток ресурсов или зависимость от других. Недостатком этого подхода является то, что он, как и сетевой анализ, по большей части игнорирует институциональные условия. Он также не принимает в расчёт ближайшее окружение индивида. В этом смысле сетевой подход хорошо дополняет теорию ресурсной зависимости: вместе они показывают зависимость актора от своей позиции в сети и в иерархии ресурсов одновременно. В то же время позиция актора в коррупционной сети может рассматриваться как один из видов (нелегального) ресурса. Ряд критиков также указывают, что в исследованиях с позиций теории ресурсной зависимости существует опасность прийти к банальному выводу «ресурсы важны».

Как показали описанные нами работы, коррупция затрагивает такие понятия, как власть (государственная и личная), социальные и политические институты, доверие к ним, лояльность, межличностные отношения, культура, «дух капитализма», соотношение «структура — действие» и даже маскулинность.

⁶ Вероятно, этот недостаток относится ко всем исследовательским подходам, однако к сетевому анализу — в особенности, поскольку, например, статистические методы, применяемые в других подходах, позволяют хотя бы как-то контролировать разного рода «перекосы» в данных.

Мы проиллюстрировали, что каждый из предложенных подходов способен обогатить наше практическое знание о коррупции. Возможными направлениями будущих исследований могут быть, в частности, использование смешанного дизайна и синтез нескольких теорий, а также учёт психологических работ о коррупции, раскрывающих индивидуальный уровень исследования этого феномена, и исследований из смежных областей, таких как антропология. Исследования с позиций неoinституционализма могут быть дополнены понятиями «нелегальная легитимность» [Cuera-Cazurra 2016] и «институциональный предприниматель», которые учитывают возможность агентности и изменений. Ещё одним возможным направлением исследований может быть совмещение сетевого подхода и теории ресурсной зависимости, когда личные связи рассматриваются как разновидность ресурса, а нахождение в коррупционной сети — как вид нелегального ресурса.

Наконец, как указывает теоретик сетевого подхода Марк Грановеттер, при исследовании коррупции необходимо обратить внимание на три аспекта. Во-первых, на различия или сходства социального статуса акторов коррупционного обмена, поскольку различия в социальном статусе обуславливают характер (например, денежный или неденежный) и вероятность сделки. Во-вторых, нужно учитывать историю отношений между акторами сделки и наличие между ними обязательств, обусловленных культурными особенностями, и связанные с этим «сети солидарности» или «сети обязательств», противопоставленные «гражданским сетям». И, в-третьих, необходимо принимать во внимание идеологические конфликты и конфликты групповых интересов в данном обществе, зачастую имеющие исторические корни (например, столкновение в незападных культурах таких ценностей, как дружба и преданность и (или) лояльность, с идеалами и ценностями обезличенного рыночного обмена) [Granovetter 2007].

Насколько нам известно, это первый и единственный обзор эмпирических исследований коррупции с точки зрения организационной социологии. Нас интересовало то, каким образом можно изучать коррупцию с позиций сетевого анализа, неoinституционализма и теории ресурсной зависимости и как они могут быть полезны для понимания коррупции. Пока мы рассматривали самые разные виды коррупции одновременно. В дальнейшем уместно остановиться на отдельной разновидности коррупции и (или) на отдельной сфере. Этот обзор игнорирует работы, опубликованные не на английском языке, и статьи по профилактике коррупции и эффективности антикоррупционных мер, а узкий фокус на трёх подходах организационной социологии сильно ограничил выборку статей. В будущем необходим учёт более разнообразных исследований и исследований в рамках других подходов и дисциплин.

Литература

- Артеменко Е. А. et al. 2023. *Развитие антикоррупционного законодательства и комплаенса в новых условиях*. Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Крылова Д. В., Максименко А. А. 2022. Есть ли у российского коррупционера совесть? Особенности принятия этических решений российскими государственными служащими. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 3: 230–253.
- Максименко А. А. et al. 2023. Этические установки будущих представителей государственного управления и бизнес-сообщества: сравнительный анализ. *Образование и наука*. 25 (2): 68–97.
- Ashforth B. E., Anand V. 2003. The Normalization of Corruption in Organizations. *Research in Organizational Behavior*. 25: 1–52.
- Aven B. L. 2015. The Paradox of Corrupt Networks: An Analysis of Organizational Crime at Enron. *Organization Science*, 26 (4): 980–996.

- Burt R. S. 2001. Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. In: Lin N., Cook K. S., Burt R. S. (eds) *Social Capital: Theory and Research, Sociology and Economics*. New York: Aldine de Gruyter; 31–56.
- Chang Z. 2018. Understanding the Corruption Networks Revealed in the Current Chinese Anti-Corruption Campaign: A Social Network Approach. *Journal of Contemporary China*. 27 (113): 735–747.
- Colliri T., Zhao L. 2019. Analyzing the Bills-Voting Dynamics and Predicting Corruption-Convictions Among Brazilian Congressmen Through Temporal Networks. *Scientific Reports*. 9 (1): art. 16754.
- Cuervo-Cazurra A. 2016. Corruption in International Business. *Journal of World Business*. 51 (1): 35–49.
- DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields. *American Sociological Review*. 48 (2): 147–160.
- Diviák T., Dijkstra J. K., Snijders T. A. B. 2019. Structure, Multiplexity, and Centrality in a Corruption Network: The Czech Rath Affair. *Trends in Organized Crime*. 22 (3): 274–297.
- Fazekas M., Tóth I. J. 2016. From Corruption to State Capture. *Political Research Quarterly*. 69 (2): 320–334.
- Gao Y. 2010. Mimetic Isomorphism, Market Competition, Perceived Benefit and Bribery of Firms in Transitional China. *Australian Journal of Management*. 35 (2): 203–222.
- Grothe-Hammer M., Kohl S. 2020. The Decline of Organizational Sociology? An Empirical Analysis of Research Trends in Leading Journals Across Half a Century. *Current Sociology*. 68 (4): 419–442.
- Granovetter M. S. 1973. The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*. 78 (6): 1360–1380.
- Granovetter M. S. 2007. The Social Construction of Corruption. In: Nee V., Swedberg R. (eds). *On Capitalism*. Stanford: Stanford University Press; 152–172.
- Jávora I., Jancsics D. 2013. The Role of Power in Organizational Corruption: An Empirical Study. *Administration, Society*. 48 (5): 527–558.
- Junghagen S., Aurvandil M. 2020. Structural Susceptibility to Corruption in FIFA: A Social Network Analysis. *International Journal of Sport Policy and Politics*. 12 (4): 655–677.
- Karstedt S. 2014. Trust in Transition: Legitimacy of Criminal Justice in Transitional Societies. In: Meško G., Tankebe J. (eds) *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives*. Cham: Springer International Publishing; 3–31.
- Lima R. S., Serrano A. L. M. 2022. Social Network Analysis Against Corruption: A Study of the Public Budget Related to the Covid-19 Pandemic. *Journal of Accounting and Organizations*. 16: e191515.
- Luna-Pla I., Nicolás-Carlock J. R. 2020. Corruption and Complexity: A Scientific Framework for the Analysis of Corruption Networks. *Applied Network Science*. 5: 1–18.
- Luo Y. 2005. An Organizational Perspective of Corruption. *Management and Organization Review*. 1 (1): 119–154.

- Meyer J., Rowan B. 1977. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83: 340–363.
- Modesto J. G., Pilati R. 2020. “Why are the Corrupt, Corrupt?”: The Multilevel Analytical Model of Corruption. *The Spanish Journal of Psychology*. 23: e5.
- Park B. I., Cave A. H. 2018. Corporate Social Responsibility in International Joint Ventures: Empirical Examinations in South Korea. *International Business Review*. 27 (6): 1213–1228.
- Park B. I., Hong S. J., Xiao S. S. 2021. Institutional Pressure and MNC Compliance to Prevent Bribery: Empirical Examinations in South Korea and China. *Asian Business, Management*. 21 (4): 623–656.
- Park B. I., Xiao S. 2021. Doing Good by Combating Bad in the Digital World: Institutional Pressures, Anti-Corruption Practices, and Competitive Implications of MNE Foreign Subsidiaries. *Journal of Business Research*. 137: 194–205.
- Petrou A. P. 2014. Bank Foreign Affiliate Performance in the Face of Pervasive and Arbitrary Corruption: Bank Foreign Affiliate Performance in the Face of Pervasive and Arbitrary Corruption. *European Management Review*. 11 (3–4): 209–221.
- Petrou A. P. 2015. Arbitrariness of Corruption and Foreign Affiliate Performance: A Resource Dependence Perspective. *Journal of World Business*. 50 (4): 826–837.
- Pfeffer J., Salancik G. R. 1978. *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*. New York: Harper & Row.
- Pinto J., Leana C. R., Pil F. K. 2008. Corrupt Organizations or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization-Level Corruption. *Academy of Management Review*. 33 (3): 685–709.
- Rodriguez P., Uhlenbruck K., Eden L. 2005. Government Corruption and Entry Strategies of Multinationals. *Academy of Management Review*. 30: 383–396.
- Sevalnev V., Tsinir A., Chai C. G. 2022. Combatting Corruption During the Coronavirus Pandemic: A Russian and Brazilian Critical Dialogue. In: *Critical Dialogues. Human Rights, Democracy and Pandemic Perspectives*. St. Louis: Cultura, Direito & Sociedade; 60–178. URL: <https://www.isgi.cnr.it/wp-content/uploads/2022/04/Critical-Dialogues.pdf>
- Scott W. R. 2001. *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Scott W. R. 2004. Reflections on a Half-Century of Organizational Sociology. *Annual Review of Sociology*. 30 (1); 1–21.
- Sudibyo Y. A., Jianfu S. 2015. Institutional Theory for Explaining Corruption: An Empirical Study on Public Sector Organizations in China and Indonesia. *Corporate Ownership and Control*. 13 (1): 817–823.
- Troisi R., Di Nauta P., Piciocchi P. 2022. Private Corruption: An Integrated Organizational Model. *European Management Review*. 19 (3): 476–486.
- Ufere N. et al. 2020. Why is Bribery Pervasive Among Firms in Sub-Saharan African Countries? Multi-Industry Empirical Evidence of Organizational Isomorphism. *Journal of Business Research*. 108: 92–104.

- Venard B. 2009a. Corruption in Emerging Countries: A Matter of Isomorphism. *M@n@gement*. 12 (1): 1–27.
- Venard B. 2009b. Organizational Isomorphism and Corruption: An Empirical Research in Russia. *Journal of Business Ethics*. 89 (1): 59–76.
- Venard B. 2013. Institutions, Corruption and Sustainable Development. *Economics Bulletin*. 33 (4): 2545–2562.
- Venard B., Hanafi M. 2008. Organizational Isomorphism and Corruption in Financial Institutions: Empirical Research in Emerging Countries. *Journal of Business Ethics*. 81(2): 481–498.
- Wang Y. 2019. A Network-Exchange Approach to Corruption: Brokers and Institution Spanning in a Chinese Corruption Network. *Deviant Behavior*. 41 (12): 1–14.
- Zhang X. et al. 2023. Do Deep Regional Trade Agreements Strengthen Anti-Corruption? A Social Network Analysis. *The World Economy*. 46 (8): 2478–2513. <https://doi.org/10.1111/twec.13399>
- Zhou X., Han Y., Wang R. (2013) An Empirical Investigation on Firms' Proactive and Passive Motivation for Bribery in China. *Journal of Business Ethics*. 118(3): 461–472.

PROFFESIONAL REVIEWS

Julia Berezhnova

Networks, Resources, and Isomorphism: Corruption from Organizational Sociology Perspective

BEREZHNOVA, Julia —
Master's sociology student
at European University at
St. Petersburg. Address: 6/1A
Gagarinskaya str., 191187
St. Petersburg, Russian
Federation.

Email: jberezhnova@eu.spb.ru

Abstract

Since the 1990s, corruption has been an object of study in economics, management, law, psychology and sociology. However, many empirical studies on corruption oftentimes ignore the normalization of corruption and its embeddedness in organizations. In this paper, we would like to draw attention to an alternative way of looking at corruption. We highlight three perspectives on corruption: social network analysis, resource dependence theory and neoinstitutionalism, which are the leading perspectives in organizational sociology. We argue that each perspective has a great potential for deepening our understanding of corruption thanks to their focus on organizations which are seen

as a basic unit of corruption. Social network analysis explores interpersonal links between corrupted subjects and mediators and their role in corrupted networks. It also puts forward a number of predictors of corruption. Neoinstitutionalism focuses on environmental factors and explores the institutional conditions which encourage or discourage corruption, such as the level of competition, the quality of law and law enforcement, and other firms' behaviour. Resource dependence theory draws our attention to the resources available to organizations and individuals. It helps explore the relationship between power and resources on the one hand, and the field of available corruption activity on the other. Organizational sociology allows us to consider the positional, organizational and environmental factors of corruption. In doing so, it highlights the social embeddedness of corruption and its systematic and routinized nature. To illustrate our point, we review in detail several studies which represent different perspectives and methodologies. In conclusion, we compare the three perspectives, point at their respective advantages and disadvantages, and propose possible directions for future research.

Keywords: organizational corruption; corruption studies; organizational corruption; social studies; organizational sociology; organizational theory; social network analysis; resource dependence theory; neoinstitutionalism.

Acknowledgments

This paper was written as part of the course on organizational sociology taught by Katerina Guba at European University at St. Petersburg. I'd like to thank Katerina for much good advice and support. The article also benefited from advice by the two anonymous reviewers and a science advisor.

References

Artemenko E. A., Dolotov R. O., Ivanov E. A., Krylova D., Maksimenko A. A., Melnikova A. L., Parhomenko S. A., Porosenkov G. A., Taut S. V., Cirin A.M., Yarovoy M. A. (2023) Razvitie anticorruptsiionnogo zakonodatelstva i komplaensa v novykh usloviyakh [Development of Anticorruption Law and Compliance in New Conditions]. *Proceedings of the XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development*, Moscow: HSE Publishing House (in Russian).

- Ashforth B. E., Anand V. (2003) The Normalization of Corruption in Organizations. *Research in Organizational Behavior*, vol. 25, pp. 1–52.
- Aven B. L. (2015) The Paradox of Corrupt Networks: An Analysis of Organizational Crime at Enron. *Organization Science*, vol. 26, no 4, pp. 980–996.
- Burt R. S. (2001) Structural Holes versus Network Closure as Social Capital. *Social Capital: Theory and Research, Sociology and Economics* (eds. N. Lin, K. S. Cook, R. S. Burt), New York: Aldine de Gruyter, pp. 31–56.
- Chang Z. (2018) Understanding the Corruption Networks Revealed in the Current Chinese Anti-Corruption Campaign: A Social Network Approach. *Journal of Contemporary China*, vol. 27, no 113, pp. 735–747.
- Colliri T., Zhao L. (2019) Analyzing the Bills-Voting Dynamics and Predicting Corruption-Convictions Among Brazilian Congressmen Through Temporal Networks. *Scientific Reports*, vol. 9, no 1: art. 16754.
- Cuervo-Cazurra A. (2016) Corruption in International Business. *Journal of World Business*, vol. 51, no 1, pp. 35–49.
- DiMaggio P., Powell W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Institutional Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Diviák T., Dijkstra J. K., Snijders T. A. B. (2019) Structure, Multiplexity, and Centrality in a Corruption Network: The Czech Rath Affair. *Trends in Organized Crime*, vol. 22, no 3, pp. 274–297.
- Fazekas M., Tóth I. J. (2016) From Corruption to State Capture. *Political Research Quarterly*, vol. 69, no 2, pp. 320–334.
- Gao Y. (2010) Mimetic Isomorphism, Market Competition, Perceived Benefit and Bribery of Firms in Transitional China. *Australian Journal of Management*, vol. 35, no 2, pp. 203–222.
- Grothe-Hammer M., Kohl S. (2020) The Decline of Organizational Sociology? An Empirical Analysis of Research Trends in Leading Journals Across Half a Century. *Current Sociology*, vol. 68, no 4, pp. 419–442.
- Granovetter M. S. (1973) The Strength of Weak Ties. *The American Journal of Sociology*, vol. 78, no 6, pp. 1360–1380.
- Granovetter M. S. (2007) The Social Construction of Corruption. *On Capitalism* (eds. V. Nee, R. Swedberg), Stanford: Stanford University Press, pp. 152–172.
- Jávor I., Jancsics D. (2013) The Role of Power in Organizational Corruption: An Empirical Study. *Administration, Society*, vol. 48, no 5, pp. 527–558.
- Junghagen S., Aurvandil M. (2020) Structural Susceptibility to Corruption in FIFA: A Social Network Analysis. *International Journal of Sport Policy and Politics*, vol. 12, no 4, pp. 655–677.
- Karstedt S. (2014) Trust in Transition: Legitimacy of Criminal Justice in Transitional Societies. In *Trust and Legitimacy in Criminal Justice: European Perspectives* (eds. G. Meško, J. Tankebe), Cham: Springer International Publishing, pp. 3–31.
- Krylova D. V., Maksimenko A. A. (2022) Est' li u rossiyskogo korrupstionera sovest? Osobennosti prinyatiya eticheskikh resheniy rossiyskimi gosudarstvennymi sluzhaschimi [Does a Russian Corrupt Official Have

Conscience? Peculiarities of Ethical Decision-Making by Russian Civil Servants]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal = Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, no 3, pp. 230–253 (in Russian).

Lima R. S., Serrano A. L. M. (2022) Social Network Analysis Against Corruption: A Study of the Public Budget Related to the COVID-19 Pandemic. *Journal of Accounting and Organizations*, no 16: art. e191515.

Luna-Pla I., Nicolás-Carlock J. R. (2020) Corruption and Complexity: A Scientific Framework for the Analysis of Corruption Networks. *Applied Network Science*, no 5, pp. 1–18.

Luo Y. (2005) An Organizational Perspective of Corruption. *Management and Organization Review*, vol. 1, no 1, pp. 119–154.

Maksimenko A. A., Deyneka O. S., Krylova D. V., Zabelina E. V., Bulgakova E. A. (2023) Eticheskie ustanovki buduschikh predstaviteley gosudarstvennogo upravleniya i biznes-soobschestva: sravnitelnyy analiz [Ethical Attitudes of the Future Russian Officials and Businessmen: Comparative Analysis]. *The Education and Science Journal = Obrazovanie i nauka*, vol. 25, no 2, pp. 68–97 (in Russian).

Meyer J., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, pp. 340–363.

Modesto J. G., Pilati R. (2020) “Why are the Corrupt, Corrupt?”: The Multilevel Analytical Model of Corruption. *The Spanish Journal of Psychology*, vol. 23, art. e5.

Park B. I., Cave A. H. (2018) Corporate Social Responsibility in International Joint Ventures: Empirical Examinations in South Korea. *International Business Review*, vol. 27, no 6, pp. 1213–1228.

Park B. I., Hong S. J., Xiao S. S. (2021) Institutional Pressure and MNC Compliance to Prevent Bribery: Empirical Examinations in South Korea and China. *Asian Business, Management*, vol. 21, no 4, pp. 623–656.

Park B. I., Xiao S. (2021) Doing good by Combating Bad in the Digital World: Institutional Pressures, Anti-Corruption Practices, and Competitive Implications of MNE Foreign Subsidiaries. *Journal of Business Research*, no. 137, pp. 194–205.

Petrou A. P. (2014) Bank Foreign Affiliate Performance in the Face of Pervasive and Arbitrary Corruption: Bank Foreign Affiliate Performance in the Face of Pervasive and Arbitrary Corruption. *European Management Review*, vol. 11, no 3–4, pp. 209–221.

Petrou A. P. (2015) Arbitrariness of Corruption and Foreign Affiliate Performance: A resource Dependence Perspective. *Journal of World Business*, vol. 50, no 4, pp. 826–837.

Pfeffer J., Salancik G. R. (1978) *The External Control of Organizations: A Resource Dependence Perspective*, New York: Harper & Row.

Pinto J., Leana C. R., Pil F. K. (2008) Corrupt Organizations or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization-Level Corruption. *Academy of Management Review*, vol. 33, no 3, pp. 685–709.

Rodriguez P., Uhlenbruck K., Eden L. (2005) Government Corruption and Entry Strategies of Multinationals. *Academy of Management Review*, vol. 30, pp. 383–396.

- Sevalnev V., Tsirin A., Chai C. G. (2022) Combatting Corruption During the Coronavirus Pandemic: A Russian and Brazilian Critical Dialogue. *Critical Dialogues. Human Rights, Democracy and Pandemic Perspectives*, St. Louis: Cultura, Direito & Sociedade, pp. 60–178. Available at: <https://www.isgi.cnr.it/wp-content/uploads/2022/04/Critical-Dialogues.pdf> (accessed 21 November 2023)
- Scott W. R. (2001) *Institutions and Organizations*, Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Scott W. R. (2004) Reflections on a Half-Century of Organizational Sociology. *Annual Review of Sociology*, vol. 30, no 1, pp. 1–21.
- Sudibyo Y. A., Jianfu S. (2015) Institutional Theory for Explaining Corruption: An Empirical Study on Public Sector Organizations in China and Indonesia. *Corporate Ownership and Control*, vol. 13, no 1, pp. 817–823.
- Troisi R., Di Nauta P., Piciocchi P. (2022) Private Corruption: An Integrated Organizational Model. *European Management Review*, vol. 19, no 3, pp. 476–486.
- Ufere N., Gaskin J., Perelli S., Somers A., Boland R. (2020) Why is Bribery Pervasive Among Firms In Sub-Saharan African Countries? Multi-Industry Empirical Evidence of Organizational Isomorphism. *Journal of Business Research*, no 108, pp. 92–104.
- Venard B. (2009a) Corruption in Emerging Countries: A Matter of Isomorphism. *M@n@gement*, vol. 12, no 1, pp. 1–27.
- Venard B. (2009b) Organizational Isomorphism and Corruption: An Empirical Research in Russia. *Journal of Business Ethics*, vol. 89, no 1, pp. 59–76.
- Venard B. (2013) Institutions, Corruption and Sustainable Development. *Economics Bulletin*, vol. 33, no 4, pp. 2545–2562.
- Venard B., Hanafi M. (2008) Organizational Isomorphism and Corruption in Financial Institutions: Empirical Research in Emerging Countries. *Journal of Business Ethics*, vol. 81, no 2, pp. 481–498.
- Wang Y. (2019) A Network-Exchange Approach to Corruption: Brokers and Institution Spanning in a Chinese Corruption Network. *Deviant Behavior*, vol. 41, no 12, pp. 1–14.
- Zhang X., Goel R. K., Jiang J., Capasso S. (2023) Do Deep Regional Trade Agreements Strengthen Anti-Corruption? A Social Network Analysis. *The World Economy*, vol. 46, no 8, pp. 2478–2513. Available at: <https://doi.org/10.1111/twec.13399> (accessed 13 November 2023).
- Zhou X., Han Y., Wang R. (2013) An Empirical Investigation on Firms' Proactive and Passive Motivation for Bribery in China. *Journal of Business Ethics*, vol. 118, no 3, pp. 461–472.

Received: June 26, 2023

Citation: Berezhnova J. (2023) Seti, resursy, izomorfizm: korruptsiya s tochki zreniya sotsiologii organizatsiy [Networks, Resources, and Isomorphism: Corruption from Organizational Sociology Perspective]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 5, pp. 128–147. doi: [10.17323/1726-3247-2023-5-128-147](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-5-128-147) (in Russian).